

СОЦИОЛОГИЯ МИГРАЦИИ

СТРАТЕГИИ АДАПТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ СЕЛЬСКИХ МИГРАНТОВ (НА ПРИМЕРЕ ОСНОВНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП ХАКАСИИ)

Ольга Леонидовна Лушникова
(oltolt@mail.ru)

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
Абакан, Россия

Цитирование: Лушникова О.Л. (2021) Стратегии адаптивного поведения сельских мигрантов (на примере основных этнических групп Хакасии). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24(4): 7–33. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.1>

Аннотация. Актуальность темы обусловлена интенсивной миграцией сельского населения в города. Естественно, процесс включения в условия городской среды затруднен, поэтому успешность закрепления сельских мигрантов во многом зависит от «негласной» стратегии, которой они следуют в процессе адаптации. Статья построена на результатах исследования адаптационных процессов основных этнических групп Хакасии: русских и хакасов. Ее цель — выявить основные типы адаптационных стратегий этих групп. Эмпирической базой послужили материалы социологического опроса сельских мигрантов, проживающих в городских поселениях Хакасии (403 русских и 402 хакаса). Методом кластерного анализа выделены однородные группы среди русских и хакасов на основании признаков, по которым можно судить о типе стратегии адаптивного поведения: мотивация переезда, целевая установка, характер труда по месту работы, взаимодействие с акторами городской среды, следование городскому образу жизни, формирование городской идентичности. Определены три основных типа адаптационных стратегий, характерных для всех сельских мигрантов (независимо от этнической принадлежности): пассивно-пессимистичный, пассивно-реалистичный и активно-оптимистичный. Оказалось, что переезд по объективным причинам больше связан с пассивно-пессимистичным типом поведения, вынужденный переезд — с пассивно-реалистичной стратегией адаптации, а переселение в город из стремления к лучшей жизни — с активно-оптимистичными стратегиями. Кроме того, тип стратегии варьируется в зависимости от уровня образования приезжих, наличия работы, материального достатка, а также характера ожиданий будущего. Хотя среди русских оказалось больше мигрантов с активно-оптимистичным типом стратегии, среди хакасов преобладают приезжие из села с пассивно-реалистичным типом, отличающимся наибольшей гибкостью.

Ключевые слова: стратегии, адаптация, адаптивное поведение, сельские мигранты, русские, хакасы, Хакасия.

Сельско-городская миграция Хакасии: направления, этнический состав

Обращение к проблематике адаптации обусловлено интенсивной миграцией сельского населения, которое из-за сложной социально-экономической ситуации в селе вынуждено переселяться в города. Успешность закрепления бывших сельчан в городе зависит от многих факторов, в том числе определяется стратегией их поведения, которой они следуют в процессе адаптации. Очевидно, что ориентация на разные типы стратегий по-разному сказывается на успешности приспособления в городских условиях.

В Хакасии 69,4 % населения проживает в городских поселениях (Хакасский... 2018: 37), при этом 64,0 % городского населения являются некоренными горожанами, т.е. проживают в городах не с рождения (Итоги Всероссийской... 2013: 330). Особенностью региона является неравное соотношение и неравномерное расселение основных этнических групп.

Во-первых, этническое большинство составляют русские (80,3 % от общей численности населения региона), доля титульного этноса — около 12,0 % (Итоги Всероссийской... 2012: 575).

Во-вторых, большая часть русских (71,1 %) проживает в городских поселениях, две трети хакасов (61,6 %) — в сельских поселениях (Итоги Всероссийской... 2012: 575).

В-третьих, хакасы по сравнению с представителями других этнических групп региона, отличаются более низкой миграционной активностью. Об этом свидетельствуют данные некоторых исследований, в соответствии с которыми было выявлено, что интенсивность выбытия хакасов за пределы Сибири ниже в 3–5 раз, чем у русских (Чуднова, Кожуховская 1979: 58). Из прибывающих ежегодно в города и городские поселки жителей хакасской национальности закрепляется примерно каждый восьмой (Белашапкина 1973: 150). Среди хакасов по сравнению с русскими более высокие темпы «возвратной» миграции (Население... 2012: 16).

В-четвертых, согласно результатам социологических исследований середины 2000-х годов, между приезжими русскими и хакасами обнаруживались различия в процессе их приспособления к условиям городской жизни. В тот период было выявлено, что русские сосредоточивались преимущественно в отраслях тяжелой промышленности с хорошей оплатой, богатой социальной базой, а хакасы в основном работали на мелких предприятиях легкой и пищевой промышленности с невысокой заработной платой (Остапенко 2003: 3).

Обозначенные различия между русскими и хакасами служат основой для размышлений о том, что представители основных этнических групп региона по-разному адаптируются в городских условиях, что, возможно, связано с ориентацией на различные стратегии адаптации. Цель статьи — выявить основные типы стратегий адаптивного поведения русских и хакасов в процессе их приспособления к городской жизни.

Модели адапционных стратегий

В широком смысле адаптация рассматривается как приспособление организма к социально сконструированному миру (Бергер, Лукман 1995: 88). Целью адаптации можно считать установление равновесия, которое достигается благодаря приспособлению человеческой организации к общественному устройству (Спенсер 1997: 53). Социальная адаптация происходит через усвоение принятых в обществе норм, причем Э. Дюркгейм, например, настаивал на принудительном характере социальных норм как неподвластных индивидуальному произволу, где только сформированное общество пользуется моральным и материальным превосходством, необходимым, чтобы иметь силу закона для индивидов (Дюркгейм 1990: 9). По мнению Т. Парсонса, способность выполнять значимые ролевые действия вообще является наиболее общим адаптивным ресурсом любого общества (Парсонс 1993: 111). Нежелание принимать нормы нового общества приводит к конфликту: внешнему или внутреннему. В случае внешнего конфликта происходит отвержение условий среды. В классификации Р. Мертона такой тип приспособления соответствует ретритизму (или бегству), т.е. люди, строго говоря, находятся в обществе, но при этом ему не принадлежат (Мертон 2006: 272). В случае внутреннего конфликта отвергаются цели, но средства допускаются (по Р. Мертону, ритуализм), т.е. человек, хотя не признает культурные цели или умаляет их значимость, но все же соглашается следовать принятым в обществе нормам (Мертон 2006: 268). Вместе с тем в такой ситуации сложно говорить о полной адаптации. Для достижения равновесия необходима внутренняя и внешняя согласованность человека и принимающего сообщества, которая, по мнению М. Вебера, должна произойти путем замены внутреннего следования привычным обычаям планомерной адаптацией к констелляции интересов (Вебер 1990: 635).

Включение в урбанизованную среду представляет особый вид адаптации, поскольку город являет собой средоточие экономической, политической и культурной жизни, вовлекающий в свою орбиту самые отдаленные сообщества, территории, народы и виды деятельности (Wirth 1938: 2). Причем в процессе такого включения меняется не только субъект

адаптации, но и сама среда. Особое влияние на изменение городской среды оказывают социальные процессы. Представители Чикагской школы в своих исследованиях показали, как меняется город, его структура, население, границы под влиянием именно социальных факторов (Park et al. 1925: 51).

Безусловно, в процессе адаптации меняется и сам субъект. Для того чтобы включиться в новое сообщество, он просто вынужден это делать. Успешность адаптации зависит как от объективных условий новой среды, так и от личности самого мигранта, в том числе от того, на какие стратегии он ориентируется в процессе приспособления. В широком смысле стратегии рассматриваются как символически опосредованные и выходящие по своему воздействию за пределы сознания идеальные образования, реализующиеся в поведении человека его ориентиры и приоритеты (Резник, Резник 1995: 101). Выбор той или иной стратегии в процессе адаптации в первую очередь обусловлен мотивацией переезда мигранта. Согласно данным зарубежных исследований, мотивы приезда в город сельских жителей связаны с низким уровнем жизни в сельских территориях (Ishtiaque, Ullah 2013: 45), с тяжелыми условиями труда (Shi 2008), обусловлены экологическими причинами (природными катаклизмами) (Bilsborrow 2011: 86), социальными факторами (браком, образованием) (Khan et al. 2011: 142) и даже вызваны ущемлением прав человека (ксенофобия) (Mosselson 2010).

Для трудовых мигрантов переезд — своего рода стратегия выживания, которая дает возможность зарабатывать и осуществлять денежные переводы (обозначаются словом «мигралоллары») в «исходное» место проживания (Uteubayev 2017: 28). В этом случае переезд рассматривается как временный, поэтому стратегия адаптивного поведения преимущественно ориентирована на успешное трудоустройство. В условиях кризиса российского села основная часть сельских жителей переезжает в город из-за отсутствия работы, низкого уровня жизни и отсутствия перспектив, что, по сути, тоже может рассматриваться в качестве стратегии выживания. Очевидно, что «вынужденный» характер переезда сказывается на адаптивном поведении мигрантов. Например, в процессе адаптации мигрант может выбрать стратегию минимизации расходов, связанную с сокращением потребления (в рационе питания, использовании коммунальных услуг и т.д.) (Dedeoglu 2011: 27). Еще одной формой подобного поведения может стать ведение личного подсобного хозяйства в городе (Хольшина, Брюханцева 2015: 857), которое хотя и выступает в качестве «сглаживающего» механизма адаптации, но фактически является вынужденной мерой приспособления. Логично предположить, что «добровольный» переезд

ориентирует на иные стратегии адаптации, при этом важную роль играют целевые установки приезжих. Как отмечает Н.А. Свиридов, среди тех, кто осуществление своих жизненных целей связывает в первую очередь с собственной целеустремленностью и активностью, доля адаптированных более чем в два раза выше (Свиридов 2002: 91). Примером такой стратегии может выступать ориентация на максимизацию доходов, которая предполагает поиск дополнительных источников заработка для мигрантов (например, сверхурочная работа, увеличение числа членов домохозяйства на рынке труда) (Dedeoglu 2011: 27). В целом такие стратегии можно отнести к активному типу адаптивного поведения.

В представлении М.И. Ромма активные стратегии связаны с целенаправленным преобразованием мигрантом условий окружающей среды в соответствии со своими потребностями (Ромм 2002: 180). Примером таких стратегий служат этнические анклав, локализованные компактно в определенных районах городского пространства, которые чаще всего занимают определенные экономические ниши (торговля, сети питания, строительный бизнес) (Portes 1998: 13). Еще У. Томас и Ф. Знанецкий подчеркивали роль первичной группы в процессе адаптации мигранта, которая, с одной стороны, формирует у него чувство ответственности, а с другой — создает ощущение безопасности (Thomas, Znaniecki: 344). Важно отметить, что даже в этом случае мигрант может сохранять устойчивые родственные, земляческие, имущественные связи с местом прежнего проживания и продолжать ощущать со стороны принимающего сообщества отношение к себе и к членам своей семьи как к пришлым (Леденёва 2014: 58). В.И. Дятлов выделяет отдельно эту разновидность и обозначает ее как диаспоральную стратегию, которая подразумевает формирование сети социальных связей и системы взаимоотношений, жизненных практик и культурных норм, основанных на представлениях о единстве судьбы и места исхода, ценности памяти об «исторической родине» и связей с нею (реальных или духовных) (Дятлов 2012: 264).

Более радикальной является стратегия изоляции, возникающая в ситуации отказа следовать «правилам» новой среды, часто сопровождающаяся обособлением мигрантов, в том числе территориальным. Исследователи отмечают, что компактное проживание изолирует группу, мешает усвоению городских практик, причем подобные островки становятся не только помехой на пути интеграции в городскую культуру, но и способствуют рурализации городских районов (Диланян 2011: 34). Вероятно, первоначально ориентация на диаспоральное сообщество может служить благоприятствующим фактором в процессе приспособления, но в дальнейшем, скорее всего, будет сдерживать мигрантов на пути включения

в новое сообщество. В представлении исследователей, более успешной оказывается ориентация на построение новых социальных связей в городской среде (Буянова 2006: 33).

К.И. Казенин предлагает рассматривать адаптацию сельских мигрантов в городе с разных позиций, транслирующих разные варианты адаптационных стратегий: в случае полной ассимиляции с городским сообществом сельчане могут стать «настоящими горожанами», однако возможен вариант адаптации путем создания особой культурной среды, сочетающей и городские, и сельские характеристики (Казенин 2016: 6). Некоторые исследователи считают, что в условиях современного общества переезд в город вообще не связан с радикальной перестройкой всей системы ценностей. Ведь переориентация на новые, специфические для города ценности происходит уже в процессе урбанизации села и приводит лишь к изменениям ценностных ориентаций и выработке лишь некоторых стереотипов поведения (Хольшина, Брюханцева 2015: 855). По мнению Р. Мертона, адаптация вообще не связана с изменениями личности, а относится лишь к ролевому поведению в специфических типах ситуаций, к типам более или менее устойчивых реакций (Мертон 2006: 256).

Следует отметить, что адаптированность не всегда положительно коррелирует с формированием новой идентичности. Например, исследование А. Диланян показало, что менее адаптированные мигранты всячески стараются репрезентировать себя как местных, по возможности скрывая или хотя бы не афишируя свое сельское происхождение (Диланян 2011: 44). Т. Эрман полагает, что даже те, кто обладает достаточными финансовыми ресурсами, могут по-прежнему чувствовать себя сельскими жителями (Erman 1998: 559).

С одной стороны, экономический аспект адаптированности представляется достаточно показательным. Некоторые исследователи полагают, что базовым критерием, который может выявить адаптационную стратегию индивида, является способ нахождения респондентом первого и текущего места работы (Казенин 2016: 13). С другой стороны, такой подход не отражает развитие мигранта в процессе адаптации. Во-первых, на первоначальном этапе приезжие чаще устраиваются в места с невысокими требованиями к образовательно-квалификационному уровню работников. По данным исследований, адаптационные формы занятости часто осуществляются в неформальном секторе экономики (Аврамова 2003: 25). Во-вторых, доказано, что по мере адаптации части мигрантов удается вернуться на рабочие места, соответствующие их уровню квалификации и профессиональной подготовки за счет того, что они покидают рабочие места, не предъявляющие никаких требований к их квалификации (Муко-

мель 2017: 77). Нам представляется более целесообразным при определении стратегии учитывать не только сферу занятости приезжего населения, сколько характер труда по месту работы (умственный, коммуникативный, физический).

Важным условием, влияющим на процесс адаптации, является прошлый опыт человека (Капица 2009: 204), поэтому стратегия адаптивного поведения мигранта зависит от их восприятия жизни, которое во многом определяет успешность его закрепления в новых условиях. Позитивное отношение к жизни в сочетании с положительными ожиданиями будущего формирует *оптимистичный* настрой в процессе адаптации. Отсутствие стремлений к улучшению жизни, неверие в собственные силы скорее свидетельствуют о *пессимистичном* отношении к новым условиям жизни, однако крайним вариантом являются *индифферентные* формы поведения, связанные с безразличным или даже попустительским отношением к жизни.

Безусловно, процесс адаптации достаточно сложный и многогранный, и перемена условий жизни неизбежно приводит к необходимости человека меняться, для того чтобы благополучно приспособиться к ним. Успешность этого процесса зависит от жизненных целей, установок, мотивации мигранта, его готовности прилагать усилия и других факторов, поэтому в действительности сложно выделить какой-то один критерий, определяющий тип стратегии, более целесообразно говорить о стратегиях, основанных на комбинациях разных элементов адаптационного процесса.

Эмпирическая база исследования

Статья основана на материалах социологического опроса сельских мигрантов, проживающих в городских поселениях Хакасии. Опрос проводился в августе-сентябре 2018 г. в рамках исследования «Социальная адаптация хакасов в городских условиях в постсоветский период (1991–2017)»¹. В фокусе исследования было изучение адаптационных процессов хакасов, переселившихся в городские поселения республики в постсоветский период, т.е. после 1991 г.

Формирование выборки было затруднено из-за отсутствия полных статистических данных о генеральной совокупности — бывших сельских жителях русской и хакасской национальностей, проживающих в городских

¹ Исследование получило поддержку фонда грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (руководитель гранта Е.Е. Тиникова).

поселениях республики. В данных переписей населения не указываются сведения о продолжительности проживания по национальному составу, в межпереписных статистических данных не отражается информация о национальной принадлежности внутрирегиональных мигрантов. Учитывая, что две трети городского населения Хакасии — некоренные горожане (Итоги Всероссийской...2013: 330), при определении квот (по полу и возрасту) использовались сведения о демографической структуре городского населения региона.

Поиск респондентов производился разными способами: методом «снежного кома», в местах предположительно высокой концентрации сельских мигрантов (общежитиях, гостинках), для поиска приезжих хакасской национальности также использовался уличный опрос. Основной метод опроса — формализованное интервью. Всего было опрошено 1000 человек, но после выбраковки «некачественных» опросников и ремонта выборки было отобрано 805 анкет (403 русских и 402 хакасов). Следует отметить, что реализованный принцип формирования выборки не позволяет в полной мере распространять полученные в исследовании результаты на всю генеральную совокупность, но дает возможность выявить наиболее часто встречающиеся типы, в данном случае стратегии адаптивного поведения.

Для выявления адаптационных стратегий сельских мигрантов использовался кластерный анализ, в соответствии с ним вся совокупность опрошенных была разбита на три однородные группы по нескольким индикаторам, по которым можно судить о стратегии адаптивного поведения. Выделение однородных групп (кластеров) осуществлялось по следующим признакам: *мотивация* (вынужденная, пассивная, активная); *целевая установка* (готовность прилагать усилия, довольствование имеющимся, попустительское отношение); *городская идентичность* (выраженность городской идентичности, сохранение сельской идентичности, двойная идентичность); *характер труда* по месту работы (умственный, физический, общение с людьми); *взаимодействие* с актерами городской среды (активное взаимодействие, формальный характер отношений, нежелание взаимодействовать); *городской образ жизни* (преимущественно городской, сельский или ни тот ни другой) (использовались стандартизованные значения переменных). В результате опрошенные были объединены в три группы: среди *русских* — первая группа — 117 чел., вторая группа — 129 чел., третья группа — 157 чел.; среди *хакасов* — первая группа — 101 чел., вторая группа — 203 чел., третья группа — 98 чел. Для выяснения связей между разными переменными использовался анализ корреляций: высчитывались и анализировались значения коэффициентов

связи по Пирсону, также применялся регрессионный анализ. Обработка данных производилась с использованием прикладного пакета статистической обработки данных IBM SPSS Statistics 19.

Основные стратегии адаптации русских и хакасов в городской среде

Анализ характеристик выделенных групп показал значительные различия между ними, что позволяет сделать вывод о том, что разным группам сельских мигрантов свойственны разные стратегии адаптивного поведения.

Среди русских в первой группе (табл. 1) одинаково выражены внутренние мотивационные компоненты, связанные со стремлением к лучшей жизни, и вынужденные причины миграции, например из-за безработицы,

Таблица 1

Характеристики адаптационных стратегий русских

Факторы	<i>Первая группа</i>	<i>Вторая группа</i>	<i>Третья группа</i>
<i>Мотивация</i>	мотивы, связанные со стремлением к лучшей жизни, и вынужденные причины (в равной степени)	объективные причины	ярко выраженные мотивы, связанные со стремлением к лучшей жизни
<i>Целевая установка</i>	«Я вряд ли смогу что-то изменить», «будь, что будет»	«Я уже приспособился и ничего не хочу менять»	«Я приложу все силы, чтобы жизнь стала лучше»
<i>Трудоустройство</i>	преобладание работников физического труда	преобладание работников физического труда	по сравнению с другими группами больше работников умственного труда
<i>Взаимодействие с акторами</i>	готовность к взаимодействию	готовность к взаимодействию	готовность к взаимодействию
<i>Городской образ жизни</i>	незатратные или домашние виды досуга	незатратные или домашние виды досуга	городские виды досуга с сохранением элементов сельского
<i>Идентичность</i>	«В душе я всегда останусь сельским жителем»	«Я постепенно становлюсь горожанином»	«Могу уверенно сказать, что я стал горожанином»
Тип стратегии	<i>пассивно-пессимистичный</i>	<i>пассивно-реалистичный</i>	<i>активно-оптимистичный</i>

низкого уровня жизни в селе, отсутствия перспектив. Однако наличие выборов ответов еще не является свидетельством более активной стратегии поведения. Большая часть таких переселенцев не выразила готовности прилагать усилия в процессе адаптации: среди этой группы опрошенных преобладает пессимистичный настрой («Я вряд ли смогу изменить жизнь к лучшему») и в некотором смысле попустительское отношение к жизни («Будь, что будет»). Несмотря на выраженную готовность взаимодействовать с акторами городской среды, все же эта группа в большей степени склонна сохранять привычный для себя образ жизни, не связанный с активным включением в социально-культурную жизнь города. В результате в этой группе сохраненной остается исходная идентичность («В душе я всегда останусь сельским жителем»). Казалось бы, такие приезжие, хотя и желают жить лучше, но, возможно, столкнувшись с проблемами, перестают пытаться что-то изменить, поэтому такой тип стратегии мы определили как *пассивно-пессимистичный*.

Во второй группе преимущественно приезжие, сменившие место жительства по не зависящим от них причинам или объективным обстоятельствам, связанным с переводом на другую работу, переездом к детям и т.д. Естественно, процесс адаптации для таких переселенцев облегчается за счет того, что переезд не связан с решением жилищных проблем или проблем трудоустройства. С одной стороны, у этой группы нет ярко выраженных стремлений к активным способам адаптации («Я уже приспособился и не хочу ничего менять»), с другой — они более реалистично смотрят на жизнь: выражают достаточное толерантное отношение к принимающей среде, готовы взаимодействовать с разными акторами городской среды (соседями, коллегами), легко принимают на себя новую роль в качестве городского жителя («Я постепенно становлюсь горожанином»). Тип стратегии этой группы мы определили как *пассивно-реалистичный*. Вероятно, это одна из самых гибких адаптационных стратегий, позволяющая приспособиться к разным условиям.

Третья группа разительно отличается от двух предыдущих. У приезжих в этой группе ярко выраженная мотивация, связанная со стремлением изменить свою жизнь к лучшему («Я приложу все силы, чтобы жизнь стала лучше»). Выраженная готовность подтверждается результатом: среди этой группы по сравнению с другими больше всего респондентов, чья работа связана с умственной деятельностью. Можно сказать, что опрошенные этой группы в большей степени нацелены на успешную адаптацию: выражают готовность принимать условия новой среды, стараются усвоить городской образ жизни, интегрироваться в городское сообщество («Могу уверенно сказать, что я стал горожанином»). Харак-

теризуя стратегию этой группы, мы определили ее тип как *активно-оптимистичный*.

Среди хакасов в первой группе (табл. 2) преобладают приезжие, переехавшие в силу внешних обстоятельств, вероятно, поэтому среди них более выражены пессимистичные установки на адаптацию, не связанные с готовностью к активным формам поведения («Я вряд ли смогу изменить жизнь к лучшему», «Все устроится само собой»). Несмотря на выражение готовности к взаимодействию с акторами городской среды, эта группа преимущественно транслирует ценности сельского образа жизни и соответственно сохраняет исходную сельскую идентичность («Я никогда не стану горожанином»). Стратегию этой группы можно отнести к *пассивно-пессимистичному* типу адаптации.

Таблица 2

Характеристики адаптационных стратегий хакасов

Факторы	Первая группа	Вторая группа	Третья группа
Мотивация	преобладание объективных причин, присутствуют внутренние мотивы	выраженные внутренние и вынужденные мотивы (в равной степени)	выраженные внутренние мотивы
Целевая установка	«Я вряд ли смогу что-то изменить», «Все устроится само собой»	«Я уже приспособился и ничего не хочу менять» «Я принимаю и хорошее, и плохое»	«Я приложу все силы, чтобы жизнь стала лучше»
Трудоустройство	преобладание работников физического труда	преобладание работников физического труда	преобладание работников умственного труда
Взаимодействие с акторами	готовность к взаимодействию	готовность к взаимодействию	умеренное взаимодействие
Городской образ жизни	сельские виды досуга, не предполагающие расходов	сельские виды досуга, не предполагающие расходов	усвоение городских видов досуга с сохранением элементов сельского
Идентичность	«Я никогда не стану горожанином»	«Я и горожанин, и сельчанин»	«Я постепенно становлюсь горожанином»
Тип стратегии	<i>пассивно-пессимистичный</i>	<i>пассивно-реалистичный</i>	<i>активно-оптимистичный</i>

Вторая группа отличается противоречивыми характеристиками: с одной стороны, среди приезжих этой группы преобладают мигранты с ярко выраженной мотивацией, связанной с желанием изменить жизнь к лучшему, с другой стороны, достаточно много вынужденных переселенцев. Логично предположить, что установки на активные формы адаптивного поведения во второй группе будут преобладать, однако это оказалось не так. В большинстве своем представители второй группы не связывают изменения в своей жизни с собственными усилиями («Я уже приспособился и ничего не хочу менять», «Я принимаю и хорошее, и плохое»). Стратегия адаптивного поведения этой группы достаточно пластична: она связана с готовностью принимать условия новой среды (по мере своих возможностей), с принятием новой идентичности («Я и горожанин, и сельчанин»), хотя и не отличается особой активностью. Такой тип стратегии можно определить как *пассивно-реалистичный*.

Третья группа среди приезжих хакасской национальности по своим характеристикам очень схожа с третьей группой русских приезжих. Переселенцев этой группы отличает добровольный характер переезда, обусловленный внутренним стремлением к лучшей жизни («Я приложу все силы, чтобы жизнь стала лучше»). Процесс адаптации протекает достаточно успешно: в этой группе абсолютное большинство приезжих, чья работа связана с умственным трудом. Они стараются максимально усвоить городской образ жизни, принять новую идентичность («Я постепенно становлюсь горожанином»). Но, в отличие от русских опрошенных третьей группы, они не склонны к тесному взаимодействию с акторами городской среды. Возможно, это связано с тем, что, имея определенную цель — закрепиться в городе, хакасы из третьей группы направляют свои силы преимущественно на достижение экономической независимости, отодвигая на второй план включение в социально-культурную жизнь городского сообщества. Стратегию этой группы можно отнести к активно-оптимистичному типу.

Влияние уровня образования, занятости, материального достатка на стратегию адаптации

В исследовании важно было не только выявить основные адаптационные стратегии сельских мигрантов, но и понять, варьируются ли они в зависимости от разных факторов: *социально-демографических характеристик* приезжих (возраста, уровня образования, семейного положения); *экономических* (жилищных условий, уровня материального достатка, рода экономической деятельности) и *субъективных* (удовлетворенности жизнью, характера ожиданий будущего).

Рис. 1. Соотношение опрошенных по стратегиям среди мигрантов с разным уровнем образования, в % от опрошенных

Анализ корреляций показал, что стратегия адаптивного поведения не связана ни с возрастом, ни с семейным положением сельских мигрантов, но положительно коррелирует с *уровнем образования* приезжих, хотя связь выражена очень слабо: коэффициент связи по Пирсону $r=0,116$ (среди русских), $r=0,230$ (среди хакасов) (рис. 1).

По рисунку 1 видно, что среди русских с невысоким уровнем образования примерно одинаковое соотношение приезжих с разными типами адаптационных стратегий. Однако среди имеющих высшее образование (в том числе неполное высшее) — почти половина респондентов, ориентирующихся на активно-оптимистичные формы поведения.

Среди хакасов вообще половина всех опрошенных — это приезжие с пассивно-реалистичной стратегией. Однако если не принимать это во внимание, то видно, что переселенцев с пассивно-пессимистичной стратегией больше среди опрошенных с невысоким уровнем образования, а среди приезжих с высшим образованием преобладают респонденты с активно-оптимистичной стратегией. Можно предположить, что более высокий уровень образования связан с более активной стратегией адаптации.

Аналогичное предположение можно сделать и по отношению к работающим и безработным приезжим. Согласно полученным данным, стратегия адаптивного поведения также связана с *основным родом деятель-*

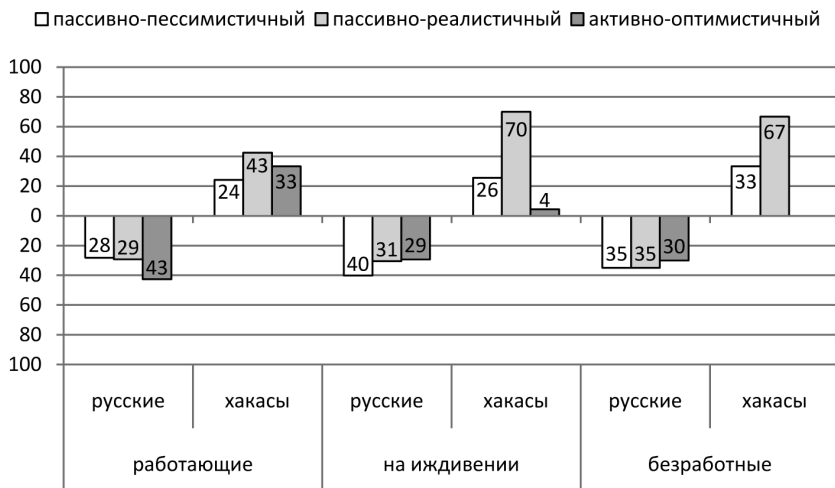

Рис. 2. Соотношение опрошенных по стратегиям среди мигрантов разного рода деятельности, в % от опрошенных

ности опрошенных: коэффициент связи по Пирсону $r=0,212$ (среди хакасов), $r=0,115$ (среди русских) (рис. 2).

Если не считать преобладание пассивно-реалистичной стратегии среди хакасов, то заметно, что среди безработных приезжих и находящихся на иждивении больше мигрантов с пассивно-пессимистичным типом стратегии, а среди работающего населения, наоборот, с активно-оптимистичным типом. Примечательно, что среди безработных хакасов вообще не оказалось приезжих с активными формами поведения. Среди приезжих русской национальности различия тоже ощутимы: неработающие приезжие (безработные и на иждивении) в большей степени следуют пассивным стратегиям в процессе адаптации, а работающие респонденты больше склонны к активным стратегиям.

На различные стратегии ориентируются мигранты и с разным уровнем *материального достатка*: коэффициент связи по Пирсону $r=0,142$ (среди хакасов), $r=0,155$ (среди русских) (рис. 3).

Особенно заметны различия среди русских: опрошенные, которых мы отнесли к категории бедных (кому денег не всегда хватает даже на питание), в большей степени демонстрируют пассивно-пессимистичное поведение. По рисунку 3 видно, что чем выше уровень материального положения, тем больше приезжих с активно-оптимистичным типом стратегии: среди бедных (33 %), среди обеспеченных (40 %), среди

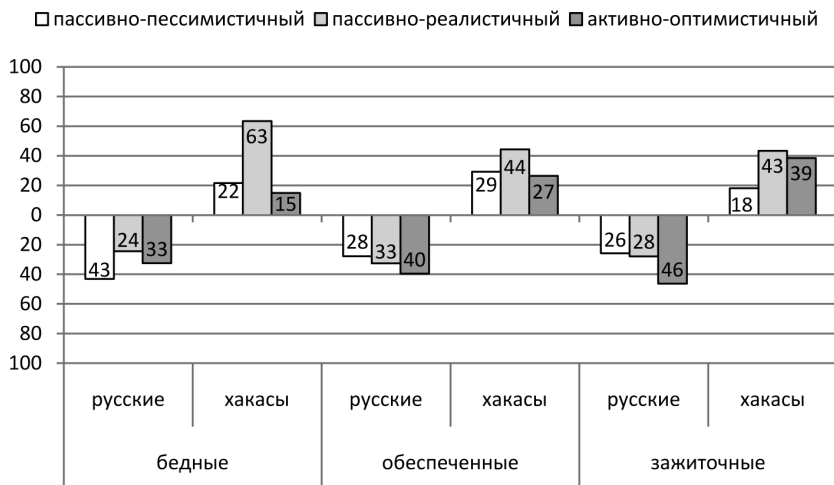

Рис. 3. Соотношение опрошенных по стратегиям среди мигрантов с разным уровнем материального положения, в % от опрошенных

зажиточных (46 %). Среди хакасов аналогичная ситуация: по мере повышения материального достатка увеличивается и число мигрантов с активным типом адаптивного поведения — среди бедных (15 %), среди обеспеченных (27 %), среди богатых (39 %). С одной стороны, можно предположить, что ориентация на активные адаптационные стратегии способствует более успешной адаптации (в том числе повышению материального достатка), с другой стороны, возможно, наличие экономического капитала предоставляет более широкий спектр возможных средств, чем мотивирует приезжих к более активному поведению в процессе адаптации. Других статистически значимых корреляций не было обнаружено.

Регрессионный анализ показал, что позитивные ожидания будущего хотя и связаны с более активным типом стратегии, но влияние этого фактора очень слабое ($\beta \approx -0,097$). Среди приезжих русской национальности большее влияние на тип адаптационной стратегии оказывает уровень материального положения ($\beta = 0,175$): возможно, уверенность в своей экономической состоятельности повышает адаптационный потенциал мигрантов и инициирует к более активному поведению в процессе приспособления. Вместе с тем уровень образования одинаково влияет на ориентацию в выборе стратегии как среди русских ($\beta = 0,122$), так и среди хакасов ($\beta = 0,247$), поэтому можно сделать вывод о том, что более высокий

образовательный уровень мигрантов связан более активными способами адаптации.

Особенности процесса адаптации приезжих из села русских и хакасов

Освоение городской среды у русских и хакасов протекает по-разному. Прежде всего, различия процесса адаптации обусловлены предшествующим опытом, в том числе опытом проживания в конкретной географической, социально-экономической, социокультурной среде, которая формирует определенный усвоенный в этих условиях образ жизни. Согласно данным опроса, преобладающая часть хакасов (60 %) переехала в город из небольших сел и деревень, а основная часть русских (65 %) — из больших сел с населением более 500 человек. Вообще это обусловлено особенностями расселения этносов. В местах наиболее компактного проживания хакасов селений много, но они малолюдные, что связано с традиционными видами хозяйствования. В других районах преобладает русское население: сел меньше, но они более крупные. Образ жизни в крупных селах более «приблизжен» к городскому образу жизни, возможно, поэтому адаптация выходцев из больших сел проходит легче. Среди русских, переехавших из больших сел, почти в два раза больше приезжих, ориентированных на активные формы адаптации, чем среди хакасов: 43 и 24 % соответственно. Вполне вероятно, что ориентация на разные типы стратегий обусловлена разностью мотивов переезда в город (рис. 4).

У хакасов причины переезда связаны с отсутствием работы в сельской местности (34 %), у русских — с мотивами, связанными с желанием жить лучше (31 %). В целом у хакасов более выражены причины, связанные с объективными обстоятельствами, такими как учеба (18 %) или брак (14 %), у русских — мотивы переезда обусловлены низким уровнем жизни в селе (14 %) или другими причинами (15 %; например, необходимость учить детей, перевод на другую работу и др.). Оказалось, что переезд по объективным причинам больше связан с пассивно-пессимистичным типом поведения, вынужденный переезд (например, из-за безработицы, низкого уровня жизни) — с пассивно-реалистичной стратегией адаптации, однако переезд из стремления к лучшей жизни чаще продуцирует активно-оптимистичные стратегии поведения.

Возможно, стремление к лучшей жизни способствует более легкому «разрыву» связей с селом: 28 % русских практически «разорвали» все связи с «родным» селом и вообще не ездят туда. Хакасы, напротив, более склонны сохранять связь с местом «исхода»: 37 % опрошенных ездят в деревню несколько раз в месяц. Можно предположить, что сохранение

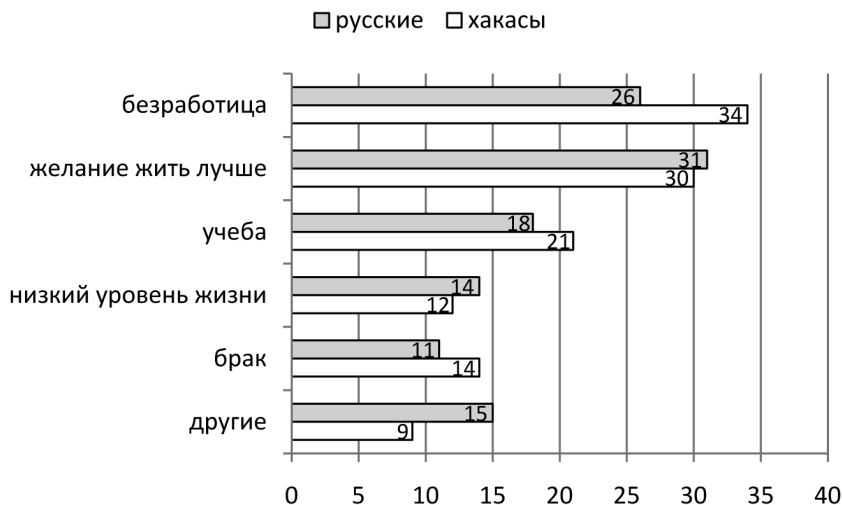

Рис. 4. Мотивы переезда в город русских и хакасов, в % от опрошенных

связей с селом у хакасов в некотором смысле мешает принятию новой роли — горожанина. Среди хакасов по сравнению с русскими меньше приезжих, которые могут уверенно назвать себя горожанами, кроме того, треть из них ощущает себя двойко (и горожанами, и сельчанами), а каждый четвертый полагает, что в душе он всегда останется сельским жителем.

Различия между русскими и хакасами прослеживаются и в том, как трудоустраиваются приезжие в городе. С одной стороны, среди хакасов по сравнению с русскими больше опрошенных, чья работа связана с квалифицированным умственным трудом, требующим профессиональных знаний (29 против 23 %), с другой стороны, почти половина из них — это работники сферы образования (учителя, воспитатели). Кроме того, среди приезжих из села хакасов больше работников неквалифицированного физического труда (грузчики, разнорабочие) (19 против 12 %). Среди русских больше опрошенных, чья работа связана с общением (преимущественно в сфере обслуживания).

Исследования начала 2000-х годов тоже фиксировали различия между русскими и хакасами в сферах занятости. Согласно данным, русские тогда занимали обширную нишу в отраслях торговли и обслуживания, где нередко были высокие заработки и шире возможности для продвижения, среди хакасов была выше доля мало- и неквалифицированных

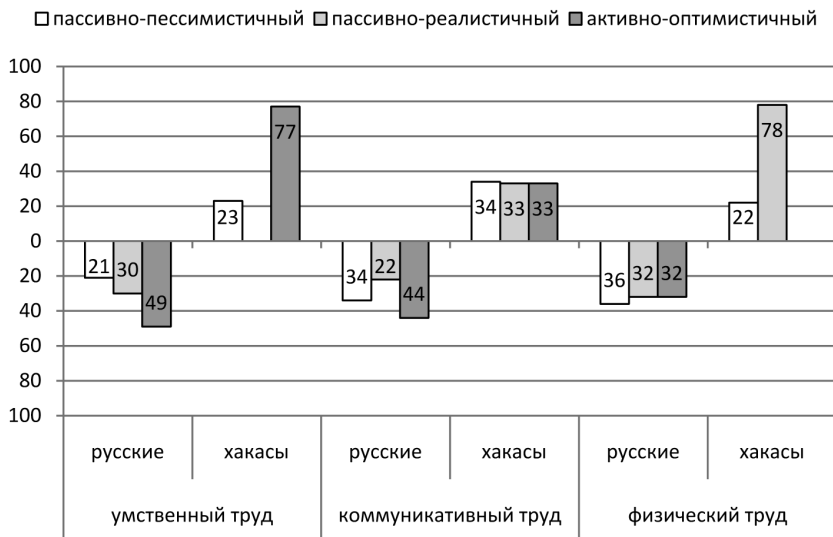

Рис. 5. Соотношение опрошенных по стратегиям среди мигрантов, занятых в разных сферах труда, в % от опрошенных

рабочих. Несмотря на то что среди титульного этноса росла доля непродушевленной интеллигенции, но они в своей массе имели невысокие заработки и были далеки от сферы распределения материальных благ (Остапенко 2003: 4).

Конечно, нельзя сказать, что русские трудоустраиваются в городе лучше, чем хакасы, однако результаты нашего исследования показали наличие связи типа стратегии с определенной сферой труда (рис. 5).

Оказалось, что абсолютное большинство хакасов, занятых физическим трудом, в процессе адаптации демонстрируют пассивно-реалистичные стратегии адаптации. Среди русских, чья работа подразумевает общение с людьми, больше респондентов, ориентированных на активные формы адаптивного поведения. Вместе с тем работа в сферах умственного труда независимо от национальности однозначно связана с активными типами стратегий адаптации.

В целом представляется, что длительность проживания в городских условиях влияет на тип адаптационной стратегии мигранта. Однако мы получили противоречивые результаты. Согласно данным, у приезжих хакасской национальности существует положительная связь между временем их пребывания в городе и типом поведения, на которое они ори-

ентируются в процессе освоения городского образа жизни ($r=0,116$). Так, среди хакасов, проживающих в городских поселениях меньше года, всего 16 % опрошенных следуют активным типам адаптивного поведения, однако среди недавно переехавших из села русских (меньше года назад) больше респондентов с активными типами стратегией (44 %). Можно предположить, что хакасы более склонны ориентироваться на активные способы адаптации по мере своего включения в городские условия, т.е. накопив за определенное время некоторый адаптационный «арсенал» (экономический капитал, связи, опыт и т.д.). Стратегию адаптации русских можно сравнить со «спринтерским забегом» — использованием максимума адаптационных возможностей преимущественно на первоначальном этапе своего пребывания в городе.

Выводы

Сравнивая адаптационные стратегии приезжих из села русских и хакасов, можно отметить некоторые сходства и различия. Пассивно-пессимистичные стратегии характеризуются отсутствием готовности к активным формам поведения, склонностью к сохранению сельской идентичности и элементов сельского образа жизни. Однако если у хакасов, ориентирующихся на такой тип стратегии, переезд в город был вызван объективными причинами, поэтому следование такой стратегии в некотором смысле для них оправданно, то у русских переезд был инициирован ими самими, но столкновение с трудностями, видимо, «пресекло» их стремления к лучшей жизни и вызвало определенное безразличие.

Пассивно-реалистичные стратегии, с одной стороны, не отличаются ярко выраженным стремлением к активному поведению, с другой стороны, являются достаточно гибкими, так как ориентированы на принятие условий новой среды (по мере своих возможностей) и иной идентичности («Я и горожанин, и сельчанин»). Однако стратегию адаптации, которая характерна для приезжих русской национальности, отличает пассивность, хакасам в большей степени свойственно проявление активных форм адаптации, связанных с максимальным «подстраиванием» под имеющиеся условия.

Активно-оптимистичные стратегии характеризуются целенаправленностью, высокой активностью, готовностью включаться в городское сообщество. Однако различаются эти стратегии в основном методами достижения своих целей: русские стараются наладить новые социальные связи, а хакасы преимущественно ориентированы на достижение целей собственными средствами.

Рис. 6. Соотношение опрошенных по типам стратегиям среди мигрантов разных национальностей, в % от опрошенных

В целом оказалось, что сельских мигрантов с пассивно-пессимистичным типом стратегии среди русских и хакасов примерно одинаково (29 и 25 % соответственно) (рис. 6).

Однако активно-оптимистичные стратегии в большей степени характерны для приезжих из села русских, нежели для хакасов (39 и 24 %). Чем могут объясняться эти различия? Для приезжих из села русских переезд в большей степени рассматривается с точки зрения новых перспектив, возможностей улучшения жизни, повышения своего материального положения. В силу экономически ориентированного характера процесса адаптации русские часто трудоустраиваются в сферы занятости, не предъявляющие высоких требований к уровню образования (офисная работа, сфера обслуживания), но предоставляющие возможность быстрого заработка. В целом процесс адаптации у них проходит легче: они легче разрывают связи с селом, ориентированы на интеграцию с городским сообществом, принимают новую роль в качестве городского жителя.

Среди приезжих хакасской национальности половина мигрантов с пассивно-реалистичной стратегией. Для хакасов в целом отъезд из села не столько обусловлен экономическими мотивами, сколько связывается с качественными изменениями жизни (получением образования, вступлением в брак и др.). Представителям хакасского этноса сложнее дается освоение принятых в городской среде видов экономической деятель-

ности. Хакасы достаточно часто трудоустраиваются в сферы деятельности, требующие наличия специальных профессиональных знаний, но преимущественно в бюджетных сферах с невысокими зарплатами (учителя, преподаватели, работники культуры). Наряду с этим среди хакасов довольно много приезжих, работающих в непрестижных сферах деятельности, связанных с неквалифицированным физическим трудом (грузчики, разнорабочие). Представителям титульного этноса труднее дается привыкание к городскому образу жизни. Даже переезжая в город, хакасы склонны сохранять тесные связи с селом, чаще ощущают себя сельскими жителями или позиционируют себя двояко: и в качестве горожанина, и в качестве сельчанина. Возможно, превалирование гибких адаптационных стратегий связано не столько с активностью адаптивного поведения, сколько с пластичностью установок по отношению к изменившимся условиям. Иными словами, хакасы, попав в новые условия, не выражают готовности прилагать усилия для улучшения своей жизни, а, вероятно, просто меняют к ним отношение. С одной стороны, такой подход не является показателем успешности адаптации, с другой стороны, значительно облегчает процесс приспособления в любых условиях.

Литература

- Аврамова Е.М. (ред.) (2003) *Адаптационные стратегии населения*. СПб.: Компьютербург.
- Белошапкина В.Н. (1973) Роль миграции в освоении хакасами нетрадиционных профессий. *Торжество ленинской национальной политики*. Абакан: Советская Хакасия: 143–154.
- Бергер П., Лукман Т. (1995) *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: «Медиум».
- Буянова А.Ю. (2006) Улан-Удэ: адаптация сельской молодежи к городскому и образовательному пространству. *Вестник Евразии*, 3: 24–40.
- Вебер М. (1990) *Избранные произведения*. М.: Прогресс.
- Диланян А. (2011) Стать горожанином: сельские мигранты в современном Ереване. *Наблюдая за изменениями: стратегии адаптации на Южном Кавказе*. Тбилиси: Южно-Кавказское региональное бюро Фонда им. Генриха Белля: 26–44.
- Дюркгейм Э. (1990) *О разделении общественного труда. Метод социологии*. М.: Наука.
- Дятлов В.И. (2012) Механизмы адаптации представителей мигрантских меньшинств в переселенческом обществе востока поздней имперской России. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*, 2–1: 262–269.

Казенин К.И. (2016) Адаптация сельских мигрантов в городах интенсивной урбанизации: case Махачкала. *Social Science Research Network* [<http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2749069>] (дата обращения: 29.02.2020).

Капица С.И. (2009) Понятие социальной адаптации в социологии. *Вестник Чувашского университета*, 4: 204–209.

Леденёва В.Ю. (2014) *Модели социальной адаптации и интеграции трудовых мигрантов*. М.: Спутник+.

Мельникова Н.Н. (2004) *Диагностика социально-психологической адаптации личности: учебное пособие*. Челябинск: Изд-во ЮурГУ.

Мертон Р. (2006) *Социальная теория и социальная структура*. М.: Хранитель.

Мукомель В.И. (2017) Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда. *Статистика и экономика*, 6: 69–79. <http://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2017-6-69-79>.

Остапенко Л.В. (2003) *Социально-экономические аспекты адаптации русских и хакасов к условиям трансформирующегося общества (по материалам этносоциологического исследования в Хакасии)*. М.: Институт этнологии и антропологии РАН; Центр по изучению межнациональных отношений. (Информационно-аналитический бюллетень № 1).

Парсонс Т. (1993) Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. *THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем*, 2: 94–122.

Резник Т.Е., Резник Ю.М. (1995) Жизненные стратегии личности. *Социологические исследования*, 12: 100–105.

Ромм М.В. (2002) *Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект*. Новосибирск: Наука.

Свиридов Н.А. (2002) Адаптационные процессы в среде молодежи (дальневосточная ситуация). *Социологические исследования*, 1: 90–95.

Спенсер Г. (1997) *Синтетическая философия*. Киев: Ника-Центр.

Хольшина М.А., Брюханцева О.А. (2015) Анализ адаптации горожан и сельских жителей коренной национальности Республики Тува. *Молодой ученый*, 23 (103): 855–857.

Чуднова В.И., Кожуховская Н.Ф. (1979) *Население Саянского ТПК (формирование и расселение)*. Новосибирск: Наука.

Bilsborrow R.E. (2011). Migration, population change, and the rural environment. *ECSP Report*, 8, 69–94.

Dedeoglu S. (2011) Survival of the Excluded: Azerbaijani Immigrant Women's Survival Strategies and Industrial Work in Istanbul. *Migration Letters*, 8(1): 26–33.

Erman T. (1998) Becoming “urban” or remaining “rural”: The views of Turkish rural-to-urban migrants on the “integration” question. *International Journal of Middle East Studies*, 30(04): 541–561. <http://doi.org/10.1017/S0020743800052557>.

Ishtiaque A., Ullah Md.S. (2013) The Influence of Factors of Migration on the Migration Status of Rural-Urban Migrants in Dhaka, Bangladesh. *Human Geographies*, 07(02): 45–52.

Khan J., Hassan T. & Shamshad. (2011) Socio-Economic Causes of Rural to Urban Migration in India. *Asia-Pacific Journal of Social Sciences*, III(2): 138–158.

Mosselson A. (2010) “There is no difference between citizens and non-citizens anymore”: violent xenophobia, citizenship and the politics of belonging in postapartheid South Africa. *Journal of Southern African Studies*, 36(3): 641–55.

Park R., Burgess E., McKenzie R. (1925) *The city: suggestions for the investigation of human nature in the urban environment*. Chicago: The University of Chicago Press.

Portes A. (1998) Social capital: Its origins and applications in modern sociology. *Annual review of sociology*, 24: 1–24.

Shi Li (2008) *Rural migrant workers in China: scenario, challenges and public policy*. International Labour Office, Policy Integration and Statistics Department. Geneva: ILO.

Thomas W.I., Znaniecki F. (1920) *The Polish peasant in Europe and America. Monograph of an immigrant group*. V. 5. Organization and disorganization in America. Boston: The Gorham Press.

Uteubayev T. (2017) Labour migration and remittances: strategy for survival or development? *Information Technologies, Management and Society*, 10(1): 24–29.

Wirth L. (1938) Urbanism as a way of life. *American Journal of Sociology*, 44: 1–24.

Источники

Итоги Всероссийской Переписи населения 2010 года: в 11 т. / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство, кн. 1.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 т. / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. Т. 8: Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства.

Население Республики Хакасия за 2001–2011 годы. Статистический сборник // Росстат. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия. Абакан, 2012.

Хакасский республиканский статистический ежегодник: стат. сб. Абакан: Красноярскстат, 2018.

ADAPTATION STRATEGIES OF RURAL MIGRANTS (ON THE EXAMPLE OF THE MAIN ETHNIC GROUPS OF KHAKASSIA)

Olga Lushnikova
(oltolt@mail.ru)

Khakass Research Institute of Language, Literature and History,
Abakan, Russia

Citation: Lushnikova O. (2021) Strategii adaptivnogo povedeniya sel'skikh migrantov (na primere osnovnykh etnicheskikh grupp Khakasii) [Adaptation strategies of rural migrants (on the example of the main ethnic groups of Khakassia)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 24(4): 7–33 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.1>

Abstract. The relevance of this topic is due to the intensive migration of the rural population. The success of rural migrants in the urban depends on the adaptation strategy. The article is based on the results of the study of adaptation processes of the main ethnic groups of Khakassia: Russian people and Khakass people. The purpose of this article is to detect the main types of adaptation strategies of these groups. The empirical base is materials of a sociological survey of rural migrants living in urban settlements of Khakassia (403 Russians and 402 Khakass people). Homogeneous groups among Russians and Khakass people were allocated by cluster analysis method. The main characteristics of adaptation strategy: motivation component, purpose, the character of job, interaction with urban actors, urban lifestyle, urban identity. Three main types of adaptation strategies are typical for all rural migrants: passive-pessimistic, passive-realistic, and active-optimistic. The moving for objective reasons is more associated with a passive-pessimistic type of behavior, forced migration — with passive-realistic adaptation strategies, and moving to the urban for a better life — with active-optimistic strategies. In addition, the type of strategy varies depending on the level of education of the migrants, job, material wealth, and future expectations. Among Russians are more rural migrants with an active-optimistic type of strategy, among Khakass people are visitors with a flexible strategy — passive-realistic type.

Keywords: strategies; adaptation; adaptive behavior; rural migrants, Russian people; Khakass people; Khakassia.

References

- Avraamova E.M. (2003) *Adaptacionnyye strategii naselenija* [Strategies of the Population]. St. Petersburg: Computerburg (in Russian).
- Beloshapkina V.N. (1973) Rol' migracii v osvoenii hakasami netradicionnykh professij [The Role of Migration in the Development of Non-traditional Professions by Khakass People]. In: *Torzhestvo leninskoj nacional'noj politiki* [Triumph of Lenin's National Policy]. Abakan: Sovetskaya Khakassia: 143–154 (in Russian).

Berger P., Luckmann T. (1995) Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya [The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge]. Moscow: Medium (in Russian).

Bilsborrow R.E. (2011) Migration, population change, and the rural environment. *ECSP Report*, 8: 69–94.

Buyanova A.Yu. (2006) Ulan-Ude: adaptatsiya sel'skoj molodezhi k gorodskomu i obrazovatel'nomu prostranstvu [Ulan-Ude: Adaptation of Rural Youth to Urban and Educational Space]. *Vestnik Evrazii* [Acta Eurasica], 3: 24–40 (in Russian).

Chudnova V.I., Kozhukhovskaya N.F. (1979) *Naselenie Sajanskogo TPK (formirovaniye i rasseleniye)* [The population of Sayan TPK (the formation and settlement)]. Novosibirsk: Nauka (in Russian).

Dedeoglu S. (2011) Survival of the Excluded: Azerbaijani Immigrant Women's Survival Strategies and Industrial Work in Istanbul. *Migration Letters*, 8(1): 26–33.

Dilanyan A. (2011) Stat' gorozhaninom: sel'skie migranty v sovremennom Erevane [Becoming a Citizen: Rural Migrants in Modern Yerevan]. In *Nabljudaja za izmenenijami: strategii adaptatsii na Juzhnom Kavkaze*. Tbilisi: South Caucasus Regional Bureau of the Foundation named Henry Bell: 26–44 (in Russian).

Durkheim E. (1990) O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sociologii [On the Division of Social Labor. Method of Sociology]. Moscow: Nauka (in Russian).

Dyatlov V.I. (2012) Mehanizmy adaptatsii predstavitelej migrantskih men'shinstv v pereselencheskom obshchestve vostoka pozdneimperskoj Rossii [Mechanisms of Migrants' Minorities Adaptation in the Resettlement Society of the East in the Late Imperial Russia]. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series History], 2(1): 262–269 (in Russian).

Erman T. (1998) Becoming "Urban" or Remaining "Rural": The views of Turkish Rural-to-Urban Migrants on the "Integration" Question. *International Journal of Middle East Studies*, 30(04): 541–561.

Holshina M.A., Bryukhantseva O.A. (2015) Analiz adaptatsii gorozhan i sel'skih zhitelej korennoj nacional'nosti Respubliki Tuva [Analysis of Adaptation of Urban and Rural Residents of the Indigenous Nationality of the Republic of Tuva]. *Molodoj uchenyj* [Young Scientist], 23(103): 855–857 (in Russian).

Ishtiaque A., Ullah M.S. (2013). The Influence of Factors of Migration on the Migration Status of Rural-Urban Migrants in Dhaka, Bangladesh. *Human Geographies*, 07(02): 45–52.

Kapitsa S.I. (2009) Ponyatie social'noj adaptatsii v sociologii [Concept of Social Adaptation in Sociology]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 4: 204–209 (in Russian).

Kazenin K.I. (2016) *Adaptatsiya sel'skih migrantov v gorodah intensivnoj urbanizatsii: case Mahachkala* [Adaptation of Rural Migrant Workers in Cities of Intensive Urbanization: Case of Makhachkala] *Social Science Research Network* [Accessed 29 February 2020]. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2749069> (in Russian).

Khan J., Hassan T. & Shamshad. (2011) Socio-Economic Causes of Rural to Urban Migration in India. *Asia-Pacific Journal of Social Sciences*, III(2): 138–158.

Ledeneva V.Yu. (2014) *Modeli social'noj adaptacii i integracii trudovyh migrantov* [Models of Social Adaptation and Integration of Labor Migrants]. Moscow: Sputnik+ (in Russian).

Melnikova N.N. (2004) *Diagnostika social'no-psihologicheskoi adaptacii lichnosti: uchebnoe posobie* [Diagnostics of social and psychological adaptation of the individual: textbook]. Chelyabinsk: South Ural State University Publishing (in Russian).

Merton R. (2006) *Social'naja teorija i social'naja struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow: Hranitel' (in Russian).

Mosselson A. (2010) "There is no difference between citizens and non-citizens anymore": violent xenophobia, citizenship and the politics of belonging in postapartheid South Africa. *Journal of Southern African Studies*, 36(3): 641–55.

Mukomel V.I. (2017) Migranty na rossijskom rynke truda: zanjatost', mobil'nost', intensivnost' i oplata truda [Migrants at the Russian Labor Market: Occupations, Mobility, Intensity of Labor and Wages]. *Statistika i ekonomika* [Statistics and Economics], 6: 69–79 (in Russian). <http://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2017-6-69-79>.

Ostapenko L.V. (2003) *Social'no-jekonomicheskie aspekty adaptacii russkih i hakasov k uslovijam transformirujushhegosja obshchestva (po materialam jetnosociologicheskogo issledovanija v Hakasii)* [Social and Economic Aspects of Adaptation of Russians and Khakass People to Conditions of Transforming Society]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN (in Russian).

Park R., Burgess E., McKenzie R. (1925) *The city: suggestions for the investigation of human nature in the urban environment*. Chicago: The University of Chicago Press.

Parsons T. (1993) Ponyatie obshchestva: komponenty i ikh vzaimootnosheniya [The Concept of Society: Components and their Relationships]. *THESIS: teoriya i istoriya ekonomicheskikh i social'nyh institutov i system* [THESIS: Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems], 2: 94–122 (in Russian).

Portes A. (1998) Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology. *Annual Review of Sociology*, 24: 1–24.

Reznik T.E., Reznik Yu.M. (1995) Zhiznennye strategii lichnosti [Life Strategies of Personality]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 12: 100–105 (in Russian).

Romm M.V. (2002) *Adaptacija lichnosti v sociume: Teoretiko-metodologicheskij aspekt* [Adaptation of the Personality in Society: Theoretical and methodological Aspect]. Novosibirsk: Nauka (in Russian).

Shi L. (2008) *Rural migrant workers in China: scenario, challenges and public policy*. International Labour Office, Policy Integration and Statistics Department. Geneva: ILO.

Spenser G. (1997) *Sinteticheskaya filosofiya* [The synthetic philosophy]. Kiev: Nika-Centr (in Russian).

Sviridov N.A. (2002) Adaptacionnye processy v srede molodezhi (dal'nevostochnaja situacija) [Adaptation Processes Among Young People (Far Eastern Situation)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1: 90–95 (in Russian).

Thomas W.I., Znaniecki F. (1920) *The Polish peasant in Europe and America. Monograph of an immigrant group*. Vol. 5. Organization and disorganization in America. Boston: The Gorham Press.

Uteubayev T. (2017) Labour migration and remittances: strategy for survival or development? *Information Technologies, Management and Society*, 10 (1): 24–29.

Weber M. (1990) *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Progress (in Russian).